

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА В.А. ЖУКОВСКОГО КАК ТЕКСТ

И.А. Айзикова

Томский госуниверситет

В.А. Жуковский, открыто признавший себя «побежденным учителем» А.С. Пушкина уже в начале 1820 г.¹, тем не менее, по признанию ученых, оказал решающее влияние на русский литературный процесс всего XIX в. В статье «Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского», открывающей юбилейный сборник «Жуковский и русская культура», изданный к 200-летию со дня рождения поэта ИРЛИ АН СССР (Пушкинским Домом), Г.М. Фридлендер указывает: «<...> чтобы правильно оценить поэзию Жуковского, ее историческое значение и смысловой диапазон, ее нельзя рассматривать только в перспективе развития русской поэзии 1810-х годов, до выступлений на литературной арене Пушкина и поэтов-декабристов, но следует исходить также из исторического опыта всего развития русской поэзии от 20–30-х гг. XIX в. вплоть до современности»². Эта мысль по-своему была высказана еще В.Г. Белинским, который назвал Жуковского «литературным Коломбом Руси, открывшим ей Америку романтизма», «целым периодом нравственного развития нашего общества» и утверждал, что «без Жуковского Пушкин был бы невозможен и не был бы понят»³. Эти высказывания одного из первых русских литературных критиков поразительно пронизательны и точны в определении значения личности и творчества первого русского романтика, рассматриваемых в данной статье как единый «жуковский» текст, рецепция которого очень созвучна классической ситуации фронта («передвигающейся границы»).

Жизнь и творчество Жуковского, которые для самого писателя всегда были единым целым, текстом (напомним его знаменитый, несущий глубокие и разнообразные смыслы принцип: «Жизнь и Поэзия – одно»), всегда находились под пристальным вниманием окружающих. Современники Жуковского были изумлены открытым

им для русской литературы миром поэзии. Баллады и идиллии, послания и стихотворные повести, оригинальные и переводные сочинения поэта неизменно вызвали вокруг себя бурную полемику, становились предметом пародирования⁴. Объектом рефлексии оказывались и факты биографии Жуковского (в первую очередь, конечно, здесь следует назвать его деятельность при дворе русского императора, наряду с которой обсуждалось вступление поэта в члены Российской Академии, путешествия по России и Западной Европе, даже сугубо личное решение о вступлении в брак с Е. Рейтерн или о возвращении с семьей в Россию). Так уже при жизни писателя начинает складываться «жуковский» текст.

Устойчивой характеристикой рецепции этого текста изначально становится тенденция к сужению его границ до отдельного жанра, отдельного художественного приема, стилевой особенности и даже одного произведения. Жуковского воспринимали то исключительно как «балладника», «дядьку чертей и ведьм», то как автора идиллий, «совершенно нового <...> рода поэзии», то как открывателя для русской литературы разговорно-сказового гекзаметра. «Певец во стане русских воинов» затмил собой в сознании современников все, написанное Жуковским ранее, позднее на роль главного сочинения Жуковского выдвигались «Славянка», «Невыразимое», в то время как целый ряд произведений вообще не вызвал никакого отклика современников.

Особенно показательно в этом плане отношение к прозе Жуковского, которая оставалась практически незамеченной, и это при том, что сам писатель, связывавший «образованность» русской словесности именно с уровнем развития русской прозы, придавал своему прозаическому творчеству принципиальное значение на протяжении всей жизни. О прозе Жуковского между тем современниками оставлены весьма немногочисленные, лаконичные, хотя и положительные замечания⁵. Не менее примечательна история прижизненной публикации прозаических сочинений поэта отдельными изданиями или в составе его собраний сочинений. Ряд прозаических произведений был введен Жуковским уже во второе издание его сочинений (1818 г.), в котором они составили отдельный том (т. 4). Озаглавленный «Опыты в прозе», он включил в себя повести «Марьиная роща», «Три сестры» и статьи «О критике», «О басне», «О сатире», «Писатель в обществе» и «Кто истинно добрый и счастливый человек». Корпус этих же сочинений, с добавлением «Путешествия по Саксон-

ской Швейцарии», «Отрывков из письма о Швейцарии 1821 г.» и «Рафаэлевой “Мадонны”», вошел и в состав отдельного тома прозы, который был издан Жуковским в 1826 г. уже под заглавием «Сочинения в прозе», в дополнение к 3-му изданию «Стихотворений Василия Жуковского» (1824), а также в состав 4-го (1835–1844 гг.) и 5-го (1849 г.) изданий Собрания сочинений писателя. В 4-м издании содержание тома пополнилось «Отрывками из письма о Швейцарии 1833 г.», «Воспоминаниями о торжестве 1834 г.», «Чертами истории государства Российского», статьями «Взгляд на землю с неба», «Последние минуты Пушкина» и некоторыми другими поздними произведениями. Том прозы (7-й) в последнем прижизненном издании повторил прозаический том предыдущего собрания сочинений. Как видим, состав публикаций практически не менялся и переходил из одного собрания сочинений писателя в другое. Основной объем прозаического наследия Жуковского, в частности его поздняя проза, которую сам писатель называл «святой прозы» и тщательно готовил к изданию (публицистика, религиозно-философские и эстетические статьи 1830–1840-х гг.), так и не вышел в свет при жизни поэта⁶.

Думается, в этом отразилось явное недопонимание значения прозы в целом для развития отечественной литературы. Общим же результатом такого «сужения» границ творческого наследия Жуковского становится печальный и глубоко ошибочный миф о том, что в 1830–1840-е гг. Жуковский начинает «отставать» от процессов развития русской литературы, из чего следовала не только недооценка позднего Жуковского, но даже его «выведение <...> за пределы литературного развития этой эпохи»⁷.

Особенностью рецепции сочинений Жуковского изначально являлось и наличие «передвигающейся границы» между творчеством и биографическим контекстом. Современникам не приходилось предпринимать разыскания, чтобы установить адресатов посланий поэта, посвящений к его произведениям, переключки с реальными событиями, датами, топосами и т. п. Однако при всей своей конкретике сочинения Жуковского отличались скорее автопсихологизмом, чем автобиографизмом, в связи с чем уже при его жизни в параллель реальным именам и фактам возникал ряд мифологем, обраставших своими сюжетами и смыслами: холм «Греева элегия», появившийся в имени Буниных после написания знаменитого стихотворения и вошедший во все семейные предания о творчестве Жуковского, река Славянка и садово-парковый комплекс Павловска в целом, образ

Маши Протасовой, гр. С.А. Самойловой и др. Особое внимание уже у современников вызывал образ Гения, Ангела, в связи с которым предпринимались попытки найти их прототипы, что оказалось безуспешным (в отличие, например, от условных адресатов – Нины, Эммы), поскольку, как справедливо указывает А.С. Янушкевич, «автобиографическое прочтение» большинства произведений Жуковского «противоречит его установке на создание эстетических манифестов, тенденции к символической образности»⁸.

Весьма показательными в этом отношении могут быть прозаические сочинения Жуковского, особенно созданные в 1815–1824 гг., в «эпоху романтических манифестов»⁹. «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Рафаэлева “Мадонна”», «Отрывки из писем о Саксонии», «Отрывки из письма о Швейцарии» – это произведения, отразившие, говоря словами Ю.Н. Тынянова, «сметание» «фактом эволюции» «твердого статистического определения» самого понятия «литература»¹⁰. Прежде всего речь идет о переосмыслении Жуковским такой категории, как «эстетическое», начавшемся вполне закономерно именно в области прозы. Не только его сфера расширяется, но и сами границы между внелитературным бытом и литературным бытием в прозе осмысливаются писателем как необычайно подвижные и открытые. За этим стоят, конечно, универсализм и синтетизм мышления Жуковского-романтика, очень многое определявшие в его движении к эпосу.

В самом начале 1820-х гг. Жуковский-прозаик одним из первых обращается к материалу, который до сих пор считался внеэстетическим, причем как в лирических, так и в эпических произведениях, и на его основе создает художественный мир своих прозаических сочинений. При господстве художественного вымысла в прозе, который долгое время казался основным и первичным признаком художественности, он обращается к описанию реальных фактов своей биографии, фрагментов собственной повседневной жизни во время своего первого заграничного путешествия. В результате литературное «моделирование» бытия перешло в этих текстах в «жизнетворчество».

В художественной ткани «Путешествия по Саксонской Швейцарии», «Отрывков из писем о Саксонии», «Отрывков из письма о Швейцарии», «Рафаэлевей “Мадонны”» легко увидеть философско-эстетический «замысел». Пейзажные зарисовки здесь по-своему повторяют опыты Жуковского – автора «Славянки» и «Невыразимого», где, как известно, был реализован тип романтического сознания и

как основа образа лирического героя, и как художественная форма. И в данных прозаических сочинениях перед нами как бы удвоенное по вертикали повествование, в котором любое описание есть некая самоценная конкретная зарисовка, и в то же время оно – знак другого движения, восхождения автора-повествователя к другому миру, вечному и бесконечному. Жуковский насыщает тексты, подобно тому, как он это делал в лирике, настроением, особенным, отличным от ежедневного, благодаря чему предметы, реалии, вещи предстают в особом освещении, отдают свое бесконечное, свою душу, волнуя душу повествователя, пробуждая в нем воображение, порыв к творчеству и ответный порыв читателя.

«Отрывки» Жуковского о путешествии по Европе становятся, таким образом, программами эстетики и поэтики новой прозы. К ним, конечно, уже неприменим критерий «полезности», как к ранним переводным путешествиям писателя (из Жанлис, Шатобриана и др.). Они созданы не для просвещения читателя, а сами в себе заключают свою цель: они написаны для искусства, для утверждения его главного принципа – свободы художника в выборе материала, типа повествования, в жанрово-родовой интеграции. В частности, представляется принципиальным обращение Жуковского к жанру фрагмента, незаконченного текста, ограниченного и в то же время открытого для продолжения, готового к метаморфозам.

В связи с вышесказанным обратим внимание на творческую историю данных произведений. Как известно, в их основе – личные письма Жуковского великой княгине Александре Федоровне (1821 г.), написанные во время путешествия по Германии и Швейцарии. В дальнейшем прием трансформации фрагментов личного письма в литературу станет одним из основных для Жуковского-прозаика, ярко отражая начало процесса, важнейшего для становления русского классического романа – выхода на первый план личности и ее «отсоединения» от готовых жанровых форм. Создававшиеся как личное письмо, рассматриваемые тексты читались не только адресатом. Они публиковались в периодических изданиях, а позднее в составе собраний сочинений писателя и воспринимались и оценивались читателями как литературные произведения, как нравственно-философские и эстетические программы Жуковского.

Так, например, «Рафаэлевой “Мадонны”» была воспринята современниками писателя как «образец современной русской прозы»¹¹, как глубочайшее по своему содержанию и удивительное по форме

произведение. П.А. Вяземский писал о нем: «Отрывок из письма о Дрезденской галерее <...> исполнен красоты необычайной. Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии. О нем можно сказать то, что Жуковский сказал о самой «Мадонне». Это не картина, а видение... Жуковский постиг чувством душу Рафаэля и посвящает нас в ее таинство»¹².

Наконец, следует сказать о стремлении современников истолковывать сочинения Жуковского в связи с определенными социально-историческими событиями, идеями и концепциями. Здесь достаточно вспомнить красноречивую историю создания «Певца во стане русских воинов». Написанное в октябре 1812 г., стихотворение дорабатывалось в 1813–1814 гг. 122 стиха были добавлены поэтом в строфы, характеризующие полководцев и героев Отечественной войны¹³, в ответ на предложение И.И. Дмитриева, который 20 февраля 1813 г. в письме высказывал Жуковскому просьбу позволить ему «препоручить кому-либо» из его «знакомцев припечатать в конце пиесы легкие исторические примечания, иные даже необходимые»¹⁴. Как отмечают комментаторы стихотворения, изменение характеристик, их корпуса зависело «от непрерывных военных переоценок репутаций»¹⁵, хотя только этой зависимостью работу поэта над «Певцом...», по мнению исследователей, объяснить невозможно¹⁶. Необходимой признается постановка вопроса о поэтической традиции «Певца...», а с другой стороны – о принципиальном новаторстве Жуковского в этом произведении. Будучи воспринято как «пиеса», через которую «узнала вся Россия своего великого поэта»¹⁷, «Певец...» вошел «в русское общественное сознание»¹⁸, «характеристики героев были подхвачены и сделаны крылатыми словами»¹⁹, «стало обычным статьи об участниках Бородинского сражения начинать с цитации стихов из «Певца»²⁰.

Характерной в этом плане является и проза Жуковского, особенно поздняя, когда писатель сознательно и очень активно обратился к политическим проблемам и как следствие этого – ввел в литературу, в прозу социальные, идеологические вопросы²¹. Безусловно, толчком к тому послужили события, связанные с революцией 1848 г. во Франции и с общей исторической ситуацией в Европе. Однако художественное сознание Жуковского и его проза, конечно, основывались не столько на конкретных общественно-политических событиях, сколько на идеях и душевных переживаниях, вызванных к жизни

революционными бурями. Эти идеи требовали своего выражения и, как следствие, перестройки эстетики и поэтики прозы.

Мысль позднего Жуковского направлена к ряду социально-политических проблем. Прежде всего, это размышления о революции как историческом явлении, о законах истории, о свободе, о реальном социально-политическом положении России и Европы. С другой стороны, Жуковский постоянно говорит о христианстве как некоем идеале, основе, которую можно и нужно противопоставить революционному вмешательству в ход истории. Попытка писателя решать политические вопросы неизменно уводила его в область философии, веры, этики и эстетики. В центре при этом всякий раз оказывается мысль о нравственном совершенствовании личности и ее нравственной свободе.

В своих размышлениях о политике, о революции Жуковский постоянно обращается к фигуре Наполеона, в отношении к которому исследователи выделяют несколько этапов²². В конце 1830-х, в 1840-е гг., указывает Ф.З. Канунова, «наполеоновский сюжет и сам образ Наполеона у Жуковского укрупняются, принципиально мифологизируются, приобретают историческую значительность, наполняются глубоким философско-символическим смыслом раздумий о судьбе великой исторической личности, о ее ответственности перед миром, о ее трагических ошибках, о подлинном и мнимом бессмертии»²³. В отношении к поздней прозе это утверждение можно дополнить. Наполеон введен здесь в большой социально-политический и исторический контекст и одновременно выступает символом великого нарушения вечных законов бытия, за которое десятилетиями расплачиваются его потомки. С точки зрения Жуковского, именно первая французская революция и «завоевательный деспотизм Наполеона» пробудили «самоубийственный деспотизм народного самодержавия», узаконили «дух буйства» и поколебали самое «основание гражданского порядка» – религию, уважение власти, покорность долгу, публичную и частную правду («Иосиф Радовиц»²⁴).

Кроме того, наполеоновская тема возникает в поздних статьях Жуковского в связи, осмыслением особого исторического пути России, точкой отсчета которого признается ее победа над Наполеоном. В статье «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» это просматривается наиболее четко. Наполеон осмыслен здесь как завоеватель, ворвавшийся «в границы русского царства» и «сокрушившийся об твердую волю русского царя», тем самым невольно

начавший новый этап исторического развития России, спасшей в войне 1812 г. свою самобытность, покончившей с завоевательной политикой.

Эта мысль об особом пути России будет переходить из статьи в статью, определяя, наряду с другими любимыми идеями автора, их системность. Например, в статье «О стихотворении «Святая Русь» читаем:

Россия шла своим особенным путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни <...>. Две главные силы властвовали и властвуют ее судьбою; они навсегда сохранят ее самобытность <...>. Эти две силы суть церковь и самодержавие²⁵.

Или в статье «О происшествиях 1848 года»:

Россия вступит в ее особенный, ее историю, следственно самим Промыслом ей проложенный путь; она не будет Европа; не будет Азия, ибо она государство христианское, она будет Россия – самобытный, великий мир <...> судьба России заключается в развитии самодержавия²⁶.

Здесь весьма интересна степень сближения и расхождения Жуковского с теориями славянофилов. Он не только подчеркивает самобытность развития России, в которой монархия как форма политического устройства общества определяется, как это хорошо понимал Жуковский, в первую очередь особенностями национального сознания, основывающегося на идее целостности духа, на приоритете внутренней свободы, на религиозности миропонимания в целом. Наряду с этим Жуковский, как и Гоголь (впоследствии их поддержит и Достоевский), говорит о необходимости синтеза восточного и западного начал «как сторон одного и того же предмета»²⁷.

Любопытна одна из очень немногих оценок поздних публицистических статей Жуковского, в частности очерка жизни Радовица и подобных ему по пафосу сочинений, данная бывшим декабристом А.Ф. Бригеном в письме к Н.И. Тургеневу от 9 января 1859 г.: «Недавно читал я посмертные сочинения Жуковского, изданные Блудовым. Некоторые статьи, как, например, о Радовице, и другие сделали во мне неприятное впечатление. Удивительно, что религия, основанная на любви и на свободе, может клониться к абсолютизму в уме такого доброго человека, как Жуковский»²⁸. Тексты поздних статей поэта, как видим, воспринимаются исключительно с идеологической точки зрения, как выражение ошибочной, не соответствующей представлению Бригена об образе Жуковского, позиции. Читатель отказывает автору в праве и даже в органичности передачи в публичном

(публицистическом) произведении личных впечатлений, мнений, оценок, которые для Жуковского были важнее фактов и уж тем более важнее рациональных, логических доказательств своей «мысли». Жуковский утверждает не только возможность, но и необходимость вхождения субъективного мира личности автора в литературное произведение (включая публицистику) наряду с объективной картиной мира. А.Ф. Бриген, не отказывая Жуковскому как автору в этом, все же устанавливает канон, границы его образа (такой добрый человек, как Жуковский, не может ратовать за абсолютизм)²⁹.

На рецепцию «жуковского» текста существенное влияние оказал факт смерти поэта. Само это событие мифологизировалось. Ядерные элементы посмертного мифа были заложены в статье «Последние дни жизни Жуковского», написанной в форме письма к неустановленному адресату протоиереем И.И. Базаровым, духовником поэта. Основными в ней становятся мысли о «христианской назидательности и поэтической высоте» ухода Жуковского из жизни. Базаров весьма последователен в создании образа поэта-христианина, достойно прожившего и не менее достойно закончившего свою «многополезную жизнь». Акцент делается на особой тонкости внутреннего слуха Жуковского, настроенного на то, чтобы уметь слышать «распоряжение свыше». Это проявилось и в последние дни жизни поэта, принявшего причастие, спокойно простившегося с женой и детьми, умершего в «самом покойном» сне. «Кротость и спокойствие, сиявшие на лице его, – пишет И.И. Базаров, – ясно свидетельствовали о той тихой кончине, какую ему послал Бог»³⁰. Не менее важен и сделанный И.И. Базаровым акцент на дате смерти Жуковского: его отпевали в «продолжении пасхального попразднества». И.И. Базаров признается, что «никогда еще» ему «не доводилось чувствовать всю великость истины, заключающейся в этой торжественной песне воскресения, как в эту минуту, над бранным остатком человека, которого душа была глубоко проникнута живою верою во Иисуса Христа!»³¹ В этой статье была заложена и традиция считать поэтическим завещанием Жуковского его поэму «Странствующий жид» и стихотворение «Царскосельский лебедь».

Образ «представителя чистого стремления души к неземной, божественной отчизне» был создан и в стихах, написанных в память о Жуковском. В «Воспоминании» (1852) В.Г. Бенедиктова читаем:

Взор его сиял тем кротким светом,
При котором так просторно мыслям,
Так отрадно сердцу, так тепло;
На челе задумчивость святая
Тихо почивала, райской гостьей
Прилетела на уста поэта
Мирная улыбка, чтоб на них
Отдохнуть под свежей тенью грусти –
Вестницы другого назначения,
На лице его напечатленной³².

Или у Ф.И. Тютчева:

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змеиной
Не презирал, понять ее умел.
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел...
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

(«Памяти В.А. Жуковского», 1852)³³

И никакая логика фактов здесь не действовала. Во внимание не принималась, например, весьма показательная история с запретом цензурой целого ряда произведений Жуковского, признававшихся не соответствующими церковной, православной позиции (самые яркие примеры – творческая история «Баллады о старушке» и особенно попытки Жуковского издать свою «святую» прозу³⁴). Закрываются глаза и на собственные признания Жуковского в том, что вопросы веры для него до последнего дня оставались открытыми, и на объективное положение: довольно сложное взаимодействие в мировоззрении поэта просветительской философии, которой он оставался верен, и религии³⁵.

Наряду с поэтическими «воспоминаниями» Бенедиктова, Тютчева и др., а также со стремлением закрепить в общественной памяти образ Жуковского как общественного деятеля, гражданина, как воспитателя наследника русского престола, верного подданного царю и отечеству сразу после смерти Жуковского появляются воспоминания о поэте в традиционном смысле этого термина (например, П.А. Плетнева). Их дополняет публикация неизвестных материалов творчества писателя. А.Д. Галаховым, Н.С. Тихон М.Н. Лонгиновым предпринимаются первые попытки создания биографии сочинений Жуковского. «Документальный» р

цепции дополнял «поэтический»: в «жуковский» текст входила мысль, продолжавшая убеждения Белинского и многих других современников Жуковского – о большом историческом значении творчества поэта, «разбудившего духовные силы общества» (Ф.М. Достоевский «Жуковский и романтизм», 1852), о необычайном масштабе его таланта, о Жуковском – ученике Карамзина и учителе Пушкина (С. Шевырев «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии», 1853).

Творчество Жуковского вновь оказывается в центре размышлений о романтизме. Особое место здесь занимает статья А.В. Никитенко «В.А. Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности» (1853), в которой поэт практически выводится за границы романтической эстетики. Основанием явилось, как это ни странно, закрепившееся в общественном сознании поэтическое представление о Жуковском как вневременном явлении, как носителе вечной «идеи чистой красоты». Этика Жуковского, утверждает Никитенко, строится на непреходящих ценностях и потому не укладывается в рамки конкретного художественного метода.

Возведение Жуковского на недосыгаемый пьедестал в конечном итоге обернулось застоєм в осмыслении его творчества, результатом чего стало резкое выступление Д.И. Писарева, который, как известно, назвал Жуковского «пародией на поэта» и отнес его к именам, превратившимся в «пустые звуки» (см. статью 1864 г. «Реалисты»). Вслед за ним выступил в том же духе и А. Милюков (см. его «Очерки истории русской поэзии»). Опасности деконструкции было подвергнуто самое ядро «жуковского» текста, которому по сути отказали в будущем, определив «почетное место в истории литературы» (подчеркнуто нами. – И. А.)³⁶.

Рецепцию личности и творчества Жуковского удалось направить по другому пути Добролюбову и Чернышевскому, которые снова поставили проблему силы и плодотворности таланта Жуковского. Однако подход к поэзии с идеологических (революционно-демократических) позиций вызывает новую угрозу универсальному коду прочтения «жуковского» текста. Добролюбов, как известно, при всем своем уважительном отношении к эстетическим достоинствам поэзии Жуковского, отказывает ему в народности, ограничивая тем самым круг бывших и будущих читателей поэта-романтика. А Чернышевский, ясно понимавший значение Жуковского в «очеловечивании» поэзии, сосредоточивается на «реакционности» общественно-

политической позиции Жуковского, допуская в связи с этим язвительный тон в разговоре о первом русском романтике.

Однако именно Чернышевский ратует за издание «в возможной полноте» корреспонденции Жуковского и за составление «по возможности полной его биографии»³⁷. С этого момента начинается поворот к изданию *дополненных* собраний сочинений поэта, включающих в себя его прозу и письма. Так, под редакцией П.А. Ефремова выходят 7-е и 8-е исправленные и дополненные издания «Сочинений В.А. Жуковского» (1878 и 1885 гг.), куда вошли прозаические тексты 1797–1803 гг., впервые публиковавшиеся в составе собрания сочинений писателя.

Конец 1870-х гг., ознаменованных выходом в свет 1-го тома «Сочинений» П.А. Вяземского (1878), где были опубликованы воспоминания о Жуковском, новые материалы творчества поэта, поддержали интерес читающей аудитории к личности и биографии писателя. Агиографический налет, родоначальником которого был И.И. Базаров, уступает место деталям, позволяющим создать великую личность поэта «домашним образом» и через это прокомментировать его сочинения.

В 1883 г. выходит в свет книга К.К. Зейдлица «Жизнь и поэзия В.А. Жуковского» с очень примечательным подзаголовком: «По неизданным источникам и личным воспоминаниям». Личным пониманием творческой биографии Жуковского и принципиальным подходом к художественной системе поэта как к тексту, главное место в котором отводится «духовной биографии» Жуковского, отличается и вышедшая в том же 1883 г. книга П. Загарина с не менее характерным названием: «Жуковский и его произведения». Так на рубеже XIX–XX вв. закладывалась феноменологическая традиция в прочтении «жуковского» текста, которую позднее подхватят Б. Зайцев, И. Шляпкин (а еще позднее, во второй половине XX в., авторы популяризаторских книг о Жуковском В. Афанасьев, В. Осокин, В. Влазов, И. Назаренко).

Одновременно рецепция художественной системы Жуковского протекала и в «академическом» русле. Особым вкладом в прочтение «жуковского» текста стали научное описание бумаг писателя, поступивших в Императорскую публичную библиотеку, публикация его дневников и писем к А.И. Тургеневу, сделанные И.А. Бычковым в конце 1880-х – начале 1900-х гг.³⁸, и издание в 1902 г. Полного собрания сочинений Жуковского под редакцией А.С. Архангельского³⁹.

Это было основой научного подхода к рассматриваемому нами тексту. Его формирование пошло в двух направлениях. Во-первых, продолжились усилия собрать творческое наследие поэта и контекст к нему как можно более полно. Н.С. Тихонравов, например, одним из первых указал на необходимость серьезного изучения прозы Жуковского, справедливо усматривая в ней «материал для его (Жуковского. – И. А.) характеристики как человека и писателя»⁴⁰. Своего рода откликом на призыв ученого стала статья П.Н. Сакулина, представляющая собой предисловие к изданию прозы Жуковского, вышедшему в Петрограде в 1915 г.⁴¹ Не менее примечательно и исследование В.И. Резанова с красноречивым названием «Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского», в предисловии к которому читаем: «Задача моих разысканий – анализ сочинений Жуковского сравнительно и в связи с изучением фактов современной ему литературы как той среды, в которой и под воздействием которой развивалась и протекала его писательская деятельность»⁴². Подтверждением расширения границ культурной коммуникации вокруг Жуковского являются и публикации «Уткинского сборника», «Остафьевского архива князей Вяземских» (под ред. В.И. Саитова), «Архива братьев Тургеневых», работ В. Истрина о Дружеском литературном обществе, Н.С. Тихонравова «О пребывании В.А. Жуковского в Университетском благородном пансионе», Н.В. Соловьева «История одной жизни. А.А. Воейкова», содержащие целый ряд новых материалов о личности и творчестве Жуковского.

Во-вторых, в очередной раз в «жуковском» тексте были передвинуты границы в связи с попыткой определить статус переводов писателя, о которых сам он в письме к Н.В. Гоголю от 6/18 февраля 1847 г. говорил следующее: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое»⁴³. Сопоставления оригинала и перевода, к чему, как правило, сводились исследования Жуковского как переводчика, не позволяли дать ответ на самый сложный вопрос об эстетике и поэтике переводов Жуковского, о сути его диалога с иноязычным текстом. Будучи поставленным В.Е. Чешихиным-Ветринским, С.П. Шестаковым, В.Я. Каплинским и др., вопрос о границе между передачей подлинника и созданием самостоятель-

ного текста в процессе перевода в отношении Жуковского остается во многом открытым до сих пор.

В 1904 г. академик А.Н. Веселовский в своей знаменитой книге «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения»» предлагает кодовый ряд, позволяющий выстроить целостную концепцию «жуковского» текста. Как известно, ученый рассматривает Жуковского и его творчество как определенное мирозерцание, как «особый общественно-психологический тип». Не касаясь здесь сути концепции Веселовского, обратим внимание на ее восприятие современниками автора. В монографии, представлявшей Жуковского, отторгнутого от романтизма, Жуковского-выразителя сентименталистских настроений, увидели, между тем, «живого Жуковского» и одновременно «энциклопедию эпохи» (А. Блок)⁴⁴.

Новые решения «загадки Жуковского» продолжали возникать в 1920–1930-е гг. (например, в работах представителей так называемой формальной школы). Это были попытки подойти к «жуковскому» тексту со стороны стиховедения, жанрово-стилевых проблем, теории стиха и прозы и их взаимодействия. Однако главенствующее положение в указанное время заняла печально известная формула «Жуковский – реакционный романтик», официально утверждавшая в качестве основных кодов рецепции «жуковского» текста мысль о его общественной пассивности и даже чуждости реальной действительности. На долгие годы творческое наследие Жуковского либо лишилось права публикации, либо, в лучшем случае «умещалось» в один-два (максимум в четыре) тома. Общественная идеология сделала всё, чтобы о личности поэта вообще забыли. Достаточно сказать, что для многих поколений школьников творчество Жуковского было сведено чуть ли ни к одному его произведению: баллада «Светлана» воспринималась даже не главным, а единственным сочинением Жуковского (к сожалению, эта дурная традиция остается в школьных программах до настоящего времени). Очень немногие продолжали писать о Жуковском и издавать его сочинения, осмысливать его настоящее место в истории русской литературы, включая ее будущее (здесь следует назвать, прежде всего, имена Ц. Вольпе, Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, Н.В. Измайлова, И.М. Семенко, Р.В. Иезуитовой).

Важной вехой бытования «жуковского» текста в России стала дата 200-летия со дня рождения поэта. Юбилейные конференции открыли новые страницы этого текста, обращение к которому консо-

лидировало усилия столичной и провинциальной науки. В 1980-е гг. значительно расширились географические границы изучения Жуковского, в это пространство вошли и томские литературоведы. Первые же их работы, во многом выстроенные на абсолютно новых материалах библиотеки поэта, хранящейся в основном своем объеме в Научной библиотеке Томского государственного университета, характеризуются сломом исследовательского кода 1930–1960-х гг. Альтернативой ему становится системный подход к творческому наследию Жуковского.

Стержнем нового прочтения «жуковского» текста оказывается мысль о принципиальной склонности русского поэта-романтика к философским, нравственно-этическим, эстетическим, а в последние годы и к нравственно-религиозным исканиям. «Традиционные представления об общественной индифферентности поэта, о его эстетической неподготовленности, неразвитости философских и исторических воззрений вряд ли могут удовлетворить сегодня, и – пишет один из ведущих исследователей Жуковского. – Многочисленные новые материалы, извлеченные из архива и библиотеки поэта, да и старые, широко известные факты, получившие новое освещение, говорят о том, что не было серьезного противоречия между Жуковским-художником и Жуковским-мыслителем. Более того, его мировоззрение, рассмотренное как определенная система эстетических, этических, общественно-философских взглядов, – органичное и важное звено общей творческой эволюции». Творческую индивидуальность Жуковского ученый видит в «органичном синтезе мыслителя и художника»⁴⁵.

Системный подход открыл возможность рассмотреть «жуковский» текст как единое и одновременно весьма разнообразное целое, имеющее определенную логику развития, и вписать его во многие историко-культурные контексты. Следует отметить, что в данном типе культурной коммуникации «жуковский» текст обрел значение эталона, измерителя не только русского романтизма, но и представления о русском классике, и шире – об истоках и основах русской классической литературы. Ф.З. Канунова, например, выражая основную мысль коллективной монографии «Библиотека В.А. Жуковского в Томске», утверждает, что с Жуковского «начинается в литературе XIX века блестящая плеяда классиков <...>, отличающихся подлинным универсализмом мышления, в творчестве которых были нераз-

рывно слиты поэзия и философия, история и педагогика, эстетика и естествознание»⁴⁶.

Наряду с этим возникали и совсем иные стратегии рецепции Жуковского, связанные с теорией и практикой постмодернизма. Например, Е.Е. Лопатина рассматривает в своей диссертации современный виртуальный проект «Вадим Косоголов, герой нашего времени. Первый в мире Интернет-мюзикл», в котором утверждается игровой характер всего «жуковского» текста, включая научные дискурсы. Первому русскому романтику находится «своя ниша» в «виртуальной мифологии» XXI в.⁴⁷ благодаря очередному передвижению границ созданного им текста в поистине безграничное интертекстуальное, метатекстовое поле. В проекте «Вадим Косоголов» реальные тексты поэта, сам образ «реального» Жуковского обрастают откровенно вымышленными сюжетами, граничащими с абсурдом: «авторы интернет-проекта, – как описывает его Е.Е. Лопатина, – <...> создают миф о том, что автором поэмы “Повесть о настоящем человеке, или Некоторые любят погорячее” является Жуковский, он же – оставшийся в живых “кот ученый”, прыгнувший с ветвей пушкинского “зеленого дуба” в экспериментальную коробку Эрвина Шрёдингера на страницах Интернет-мюзикла, а сама поэма – продолжение поэмы “Вадим”»⁴⁸. Здесь, как видим, снимаются вопросы об эстетике, философии, идеологии, биографии Жуковского, об истории литературы и многие другие. При этом, однако, речь не идет о деконструкции «жуковского» текста, но перед нами рождение нового его варианта в рамках особой стратегии иронического дискурса, обыгрывающего все текстовые элементы.

Таким образом, «жуковский» текст оказался не только весьма востребованным и значимым в контексте русской культуры последних двух столетий, но и одним из самых гибких, допускающих свободное передвижение границ при его интерпретации. При этом коммуникация, не теряя мифологических интенций, внутри каждого типа содержала элемент позитивного знания, из которого возникали многие вторичные культурные феномены, находящиеся иногда на прямо противоположных друг другу границах (например, пародия и академическая наука о Жуковском). Понятно, что такой характер рецепции оказывается возможным только при понимании «Жуковского» текста как текста с высокой степенью коммуникативной потенциальности.

¹ Как известно, 26 марта 1820 г. Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью «Победителю-ученику от побежденного учителя».

² Фридендер Г.М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 10.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 460; М., 1955. Т. 7. С. 247; М., 1955. Т. 3. С. 507.

⁴ См. об этом: Лопатина Е.Е. Поэзия В.А. Жуковского в истории русской пародии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.

⁵ Так, А.А. Бестужев-Марлинский оценил прозаические сочинения Жуковского как «примерные» (*Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения*: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 384), П.А. Плетнев как «драгоценные образцы повествований» (*Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского*. СПб., 1853. С. 53), «образцом современной русской прозы» назвал «Рафаэлю “Мадонну”» Н. Полевой (*Московский Телеграф*. 1832. Ч. 47, № 19. С. 375) и т. д. Специально прозе Жуковского при его жизни была посвящена только одна статья, написанная П.А. Вяземским – «Сочинения в прозе В.А. Жуковского» (*Вяземский П.А. Полн. собр. соч.* СПб., 1878. Т. 1. С. 260–269).

⁶ Проза Жуковского 1830–1840-х гг. вошла уже в посмертные тома 5-го издания сочинений писателя – в XI-й и XIII-й.

⁷ Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985. С. 12.

⁸ Янушкевич А.С. Комментарий к стихотворению «К мимопролетевшему знакомому Гению» // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 555.

⁹ См.: Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. С. 10, 115 и далее.

¹⁰ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 123.

¹¹ Слова Н. Полевого. См.: *Московский Телеграф*. 1832. Ч. 47, № 19. С. 375.

¹² *Вяземский П.А. Полн. собр. соч.* Т. 1. С. 269.

¹³ Кроме того, вместе с Д.В. Дашковым Жуковский приготовил специальные примечания к «Певцу...».

¹⁴ Дмитриев И.И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 217.

¹⁵ См.: Жуковский В.А. Стихотворения: В 2 т. / Прим. Ц.С. Вольпе. Л., 1939–1940. Т. 1. С. 367. См. также: Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895. С. 98 (письмо от последней трети 1813 г.); письмо Д.Н. Блудову от начала 1815 г. в кн.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 216.

¹⁶ См.: Лотман Ю.М. А.С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 188; Янушкевич А.С. Комментарий к стихотворению // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 598–599.

¹⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. С. 186.

¹⁸ Янушкевич А.С. Комментарий к стихотворению // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 600.

¹⁹ История русской литературы. М., 1941. Т. 5. С. 369.

²⁰ Жуковский В.А. Стихотворения: В 2 т. / Прим. Ц.С. Вольпе. Т. 1. С. 368.

²¹ Сходные процессы происходили в творчестве Гоголя, писателей-декабристов. См. об этом: Анненкова Е.И. Гоголь и декабристы. М., 1989. С. 12–27, 121–169

(гл. «Мысль и ее историческое бытие в концепции декабристов», «Г.С. Батеньков и Гоголь», «Две книги о России»).

²² См.: *Канунова Ф.З.* Оппозиция наполеонизма и христианства // *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск, 2001. С. 102 и далее.

²³ Там же. С. 106.

²⁴ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. XI. С. 48.

²⁵ Там же. Т. X. С. 123.

²⁶ Там же. С. 107.

²⁷ *Гоголь Н.В.* Соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 6. С. 252.

²⁸ Цит. по кн.: *В.А. Жуковский в воспоминаниях современников.* М., 1999. С. 330.

²⁹ Подобной была рецепция статьи Жуковского «О смертной казни». См. об этом: *Виницкий И.Ю.* Поэтическая историософия В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 35–38.

³⁰ Цит. по: *В.А. Жуковский в воспоминаниях современников.* С. 454.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 541.

³³ Там же. С. 546. Можно вспомнить и стихотворение «Жуковский» А.Н. Майкова, написанное в 1883 г.:

Он говорит о Вере, о Надежде,
И о Любви, и о загробной жизни
И сам как бы на рубеже земного
Стоит, вперяя взор открытый в Вечность... (Там же. С. 548).

³⁴ См. об этом: *Айзикова И.А.* Комментарий к «Балладе, в которой описывается, как одна старушка...» // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3 (в печати); *Плетнев П.А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3; *Айзикова И.А.* Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004. С. 374–393.

³⁵ См.: *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск, 2001; *Айзикова И.А.* Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. С. 350–393.

³⁶ *Милюков А.* Очерки истории русской поэзии. СПб., 1864. С. 154.

³⁷ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 588.

³⁸ *Бычков И.А.* Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Имп. Публ. библиотеку в 1884 г. // Отчет ИПБ за 1884 г. СПб., 1887; *Жуковский В.А.* Дневники / С прим. И.А. Бычкова. СПб., 1903; Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. М., 1895.

³⁹ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902.

⁴⁰ *Тихонравов Н.С.* В.А. Жуковский // *Тихонравов Н.С.* Сочинения. М., 1889. Т. 3, ч. 3. С. 386.

⁴¹ *Жуковский В.А.* Проза. Пг., 1915. С. VII–XLII.

⁴² *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2. С. 4.

⁴³ *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 544.

⁴⁴ Вопросы жизни. 1905. Апрель – май. С. 224.

⁴⁵ *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. С. 8.

⁴⁶ *Канунова Ф.З.* Некоторые проблемы идейного и творческого развития В.А. Жуковского (на основе новых материалов поэта) // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Т. 2. С. 4.

⁴⁷ *Лопатина Е.Е.* Поэзия В.А. Жуковского в истории русской пародии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. С. 20.

⁴⁸ Там же.

V.A. ZHUKOVSKY'S ARTISTIC SYSTEM AS A TEXT

I.A. Aizikova

Tomsk State University

The article represents the attempt of applying the «frontier» concept to investigation of V.A. Zhukovsky's artistic system as a text. The aim is to reveal some «frontier» situations in the domestic history of the first Russian romanticist's personality and work reception: narrowing and broadening the boundaries of the writer's literary heritage, the boundary transformation between his work and biographic, social-historical context, evolution in the conception on Zhukovsky's place in the history of the Russian literature.